

В.Т. Чшиев

Владимир Таймуразович Чшиев

Центр скифо-аланских исследований ВНЦ РАН,
старший научный сотрудник, кандидат исторических наук, Россия, Владикавказ,
e-mail: hacht@mail.ru

**Раннесредневековый некрополь в селении Камсхо
в Мамисонском ущелье РСО-А**

Аннотация. В статье рассматриваются материалы некрополя у святилища Дамбадели / Мады Майрам, расположенного в высокогорной части РСО-А, в Мамисонском ущелье. Памятник выявлен в результате подготовительных работ по созданию всепогодного туристического комплекса «Мамисон». Материалы памятника, расположенного вблизи от Мамисонского перевала – на одной из «веток» древнего и средневекового «Шелкового пути», – представляют большой интерес для изучения древней и средневековой истории Осетии-Иростона и Кавказа.

Ключевые слова: эпоха раннего средневековья Кавказа, памятники Мамисонского ущелья РСО-А, новые материалы к истории Осетии-Иростона.

Vladimir T. Chshiyev

Ph. D., Senior Researcher of the «Centre for Scytho-Alanic Studies», Russia, Vladikavkaz,
e-mail: hacht@mail.ru.

**Early medieval necropolis in the village of Kamskho in
the Mamison ravine of North Ossetia-Alania**

Abstract. The article discusses the materials of the necropolis at the Dambadeli sanctuary / Mady Mayram, located in the mountainous part of the RSO-A, in the Mamison ravine. The monument was identified as a result of preparatory work on the creation of the All-season tourist complex «Mamison». The materials of the monument, located near the Mamison Pass – on one of the «branches» of the ancient and medieval «Silk Road», are of great interest for studying the ancient and medieval history of Ossetia-Irison and the Caucasus.

Keywords: the epoch of the early Middle Ages of the Caucasus, monuments of the Mamison ravine of the RNO-Alania, new materials for the history of Ossetia-Irison.

Мамисонское ущелье (долина реки Мамисондон / Мамихдон, ущелья рек Лисридон и Камсходон и некоторых других) находится в культурно-исторической области Центральной Осетии – Туалгом (в переводе с осетинского – Туальское ущелье). В географическом плане Мамисонское ущелье располагается между Боковым и Водораздельным хребтами Большого Кавказа. Через Мамисонское ущелье проходила известная с древнейших времен транскавказская перевальная дорога. Дорога через перевалы Мамисонского ущелья соединяла Предкавказье с южным и юго-западным Кавказом, Причерноморьем, Передней Азией. По этому маршруту проходила, в том числе, известная Военно-Осетинская дорога. Уникальное географическое положение Мамисонского ущелья обусловило и стратегическое значение Мамисона на исторической карте древнего и средневекового Кавказа. Его большие природные богатства, обширные пастбища, многочисленные разнообразные минеральные воды, а также наличие здесь трех достаточно удобных перевалов – Кударского, Козского и Мамисонского, ведущих в Закавказье, Переднюю Азию, Восточное Причерноморье, позволяют предполагать присутствие в Мамисоне большого количества пока неизвестных памятников древней истории и культуры. Между тем Туалгом в целом и Мамисонское уще-

лье в частности в археологическом плане изучены весьма слабо.

Один из новых памятников в Мамисонском ущелье был выявлен нами в 2019 г. в процессе археологических разведочных работ. Это грунтовый могильник, расположенный вокруг святилища Дамбадели / Мады Майрам на окраине селения Камсхо. В 2022 г. нами по договору с ООО «Транскамстрой-Сервис» (руководитель – В.В. Биченов) были произведены охранно-спасательные археологические раскопки части этого некрополя площадью около 1 000 кв. м. Работы были вызваны необходимостью застройки части селения Камсхо в связи со строительством инфраструктуры для горнолыжного всепогодного туристско-рекреационного комплекса «Мамисон». По предварительным данным разведки в 2019 г., предполагалось, что памятник является позднесредневековым некрополем, связанным с жителями с. Камсхо. Однако раскопки 2022 г. показали совершенно другие исторические реалии.

Обряд захоронения могильника представляет собой, за небольшим исключением, вытянутые на спине погребения, ориентированные головой на юго-запад. В нескольких случаях зафиксированы захоронения с подогнутыми ногами, с завалом на сторону. Руки погребенных вытянуты вдоль тела или сложены кистями вместе в области паха. Как

Рис. 1.

1 – кольцо кольчуги (железо, погребение № 22);
2 – наконечник стрелы (железо, погребение № 26)

Рис. 2. Погребение № 50:

1–3 – стеклянные бусы; 4 – раковина каури

Рис. 3. Погребение № 30:

бронзовая фибула. Вид сверху

правило, захоронения взрослых людей произведены в прямоугольных «ящиках», сооруженных из широких и толстых деревянных плах с распорками в середине и на торцах. В детских захоронениях остатки деревянных плах встречаются редко. Во многих случаях погребения обложены валунами, в нескольких случаях зафиксировано перекрытие

погребений уплощенными сланцевыми плитами. Многие захоронения потревожены или разрушены вследствие позднейших перекопок.

Одним из интересных особенностей этого некрополя является огневой ритуал, прослеживаемый в ряде случаев. Выражался он в присутствии в верхней части засыпи погребальной ямы древесных угольков, а также в обугливание верхней части (крышки) деревянной гробовины. Первоначально мы предположили, что это явление могло быть связано с пожаром, стихийным или искусственным, произошедшим в результате каких-то исторических событий. Однако наличие данного факта на разных участках могильника, а также отсутствие обугливания в верхних пластах почвы над захоронениями вынудило нас отказаться от этого предположения. Единственное объяснение этого явления – что это часть погребального обряда, огневой ритуал – разведение небольшого костра на верхней крышке ящика или, в некоторых случаях, на каменном перекрытии погребения перед засыпкой погребальной ямы (рис. 8).

Еще одним примечательным элементом обрядности является наличие как минимум в трех захоронениях рассматриваемого памятника колец от кольчуги (рис. 1,1). В трех мужских захоронениях могильника были зафиксированы железные кольца кольчуги – по одному кольцу в каждом погребении. На современном уровне исследования можно предположить, что эти захоронения принадлежали воинам, таким образом символически обозначался их статус. Судя по обряду, положению и ориентировке, христианизированное, как нам представляется, население, оставившее этот интересный памятник, не практиковало посвящения оружия, предметов обихода и заупокойной пищи погребенным. Вероятно, таким символическим образом все же отмечался, подчеркивался военный статус погребаемых, возможно, их воинские заслуги перед обществом.

Еще один необычный элемент погребального обрядности был выявлен в погребении № 95. Здесь находился ориентированный, как и другие захоронения, головой на юго-запад костяк взрослого чело-

Рис. 4. Погребение № 30:

бронзовая фибула. Вид сбоку

Рис. 5. Погребение № 101:
стеклянные бусы

Рис. 6. Погребение № 165:
1 – привеска; 2 – перстень; 3–4 – височные привески с колокольчиками (бронза)

Рис. 7. Погребение № 166:
1 – железное кольцо; 2 – бронзовая пуговица; 3 – сердоликовая бусина; 4 – стеклянная бусина

Рис. 8. Погребение № 69
Вид сверху

века, в прямоугольной яме, обложенной камнями. Необычность заключалась в том, что погребенный был уложен в вытянутом положении лицом вниз, на животе, руки, судя по их положению, были связаны спереди, а непосредственно на шею был положен большой камень.

Надо отметить и такую черту обрядности могильника, как присутствие в погребениях астрагалов – альчииков ягнят. В одном случае, в погребении № 162, где был захоронен молодой мужчина, их было 24 штуки. Один из сотрудников экспедиции Б. Цопанов, оценивая эту находку, выразился так: «Несомненно, здесь похоронен чемпион по игре в «хьултæйхъазт»¹. Он сам в молодости не раз выигрывал до 30–40 альчииков за одну игру. Астрагалы компактно были расположены в ногах погребенного. Вероятно, первоначально они помещались в холщовом мешочке, который со временем истлел. Их положение, а также количество не оставляют никаких сомнений в том, что они использовались для игры и после смерти владельца были положены в его погребение.

Представляет интерес и ситуация, зафиксированная в погребении № 26, где был захоронен взрослый мужчина, между позвонками спинного отдела которого находился крупный железный наконечник стрелы вытянуто-ромбовидной формы с валиком – упором для древка стрелы и стержневым черенком (рис. 1, 2).

Отметим и наличие в ряде женских погребений раковин каури – известных по кавказским памятникам и в древности и в средневековье как украшения и в качестве оберегов (рис. 2, 4).

Многочисленные находки в погребениях могильника бронзовых арбалетных (или крестовидных) фибул позднеримского типа с железной иглой являются, скорее всего, импортом из Причерноморских городских центров. Также многочисленны в захоронениях могильника и разнообразны бусы – стеклянные «глазчатые» нескольких цветов, стеклянные шаровидные с канелированной поверхностью, сердоликовые шаровидные и колесовидные, стеклянные колесовидные, украшенные спиральным узором синего цвета, стеклянные биконической формы и др. (рис. 2, 1–3; 5; 7). Аналоги значительной части этих бус и вышеописанных фибул, относящиеся к первой половине 1 тыс. н. э., имеются как в Закавказье, Сирии, Причерноморье, так и на Северном Кавказе и Предкавказье. Примечательно нахождение подобных им и в раннеаланских катакомбах Северного Кавказа [1] с. 55, рис. 40; 2) с. 81, рис. 56; с. 82, рис. 58б; 5) с. 261, рис. 15; с. 330, рис. 81; с. 331, рис. 82; с. 332, рис. 83; 4) с. 305, рис. 112, 2а; с. 327, рис. 135, 5е; 6) с. 206, табл. 4; с. 212, табл. 10; 3) с. 102, рис. 9, 4; с. 104, рис. 11, 1–2].

Судя по достаточно престижным и дорогим украшениям и аксессуарам одежды, в массе своей

¹ «Хьултæйхъазт» – осетинская народная традиционная игра в альчики, бытовавшая до 80-х гг. XX в.

импортной, – население, оставившее «Могильник у святилища Дамбадели / Мады Майрам», было достаточно зажиточным. Это не должно вызывать удивления, так как оно контролировало караванную трассу, которая шла к весьма удобному и популярному транскавказскому переходу, ведущему, как отмечалось, в Закавказье, Малую Азию, к Черному морю и т. д., – Мамисонскому перевалу. Между тем ни оружия, ни заупокойной пищи, ни жертвенных животных, типичных, к примеру, в эту эпоху для северокавказского населения, в том числе для аланских памятников региона, в этом Мамисонском некрополе нет. Строго говоря, почти все находки (за исключением редких случаев, когда в захоронениях имеются личные вещи – два не-

больших железных ножа и игральные астрагалы) – представлены украшениями и атрибутами одежды. Данное обстоятельство позволяет предполагать, что население, оставившее этот могильник, в той или иной степени было христианизировано.

В то же время наличие в погребениях огневого ритуала, присутствие в ряде случаев в погребениях игральных астрагалов – альчииков, железных ножей, колец от кольчуги, раковин каури может свидетельствовать о сохранении в этом обществе части традиционных дохристианских обрядов, ритуалов, представлений.

Статья подготовлена в рамках гранта Российского научного фонда № 22-28-01363.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Аракелян Б.** Гарни 1. // Археологические раскопки в Армении. № 3. Изд-во АН АССР. – Ереван, 1951. С. 55, рис. 40.
2. **Аракелян Б.** Гарни 1. // Археологические раскопки в Армении. № 7. Издательство АН АССР. – Ереван, 1957. С. 81, рис. 56; с. 82, рис. 58б.
3. **Дзаттиаты Р. Г.** Царциатские памятники: Едысское городище и могильники. – Владикавказ: Ир, 2006. (С. 102, рис. 9, 4; с. 104, рис. 11, 1–2).
4. **Малашев В. Ю., Гаджиев М. С., Ильюков Л. С.** Страна маскутов в Западном Прикаспии. Курганные могильники Прикаспийского Дагестана III–V вв. н. э. – Изд.: Мавраевъ, 2015. 452 с. (С. 305, рис. 112, 2 а; с. 327, рис. 135, 5, е).
5. **Шестопалова Э. Ю.** Древний Дагом. По материалам археологических раскопок Дагомского катакомбного могильника VI–VIII вв. н. э. – Владикавказ: ИПЦ ИП Цопанова А. Ю., 2019 г. С. 261, рис. 15; с. 330, рис. 81; с. 331, рис. 82; с. 332, рис. 83.
6. **Хайнрих А.** Раннесредневековые катакомбные могильники у селений Чми и Кобан (по материалам Венского естественно-исторического музея // Аланы: История и культура. Вып. 3. / Отв. ред. В. Х. Тменов. – Владикавказ, 1995. (С. 206, табл. 4; с. 212, табл. 10).

REFERENCES

1. Arakelyan B. Garni 1. // *Archaeological excavations in Armenia*. No. 3. Publishing House of the Academy of Sciences of the ASSR. – Yerevan, 1951. p. 55, fig. 40;
2. Arakelyan B. Garni 1. // *Archaeological excavations in Armenia*. No. 7. Publishing House of the Academy of Sciences of the ASSR. – Yerevan, 1957, p. 81, fig. 56; p. 82, fig. 58 b;
3. Dzattiaty R. G. Tsartsiatkiye monuments: Edysskoye settlement and burial grounds.: Ir. – Vladikavkaz, 2006. (p. 102, fig. 9, 4; p. 104, fig. 11, 1-2).
4. Malashev V. Yu., Gadzhiev M. S., Ilyukov L. S. *Maskutov camp in the Western Caspian. Burial mounds of the Caspian Dagestan of the 3rd – 5th centuries AD*. Ed.: Mavraev, 2015. – 452 p. (p. 305, fig. 112, 2 a; p. 327, fig. 135, 5, e);
5. Shestopalova E. Y. *Ancient Dagom. Based on the materials of archaeological excavations of the Dagomsky catacomb burial ground of the 6th – 8th centuries AD*: CPI IP Tsopanov A. Yu. – Vladikavkaz, 2019 p. 261, fig. 15; p. 330, fig. 81; p. 331, fig. 82; p. 332, fig. 83;
6. Heinrich A. *Early Medieval catacomb burial grounds near the villages of Chmi and Koban (based on the materials of the Vienna Natural History*

